

КРАСНАЯ ДАТА

АЛЕКСАНДР АКИНЬШИН

ПЕРВОЕ СТУДЕНЧЕСТВО ВОРОНЕЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

АРХИВНАЯ МОЗАИКА

Весть о грядущем открытии в Воронеже университета пробудила у молодежи энтузиазм. Появилась возможность получить дома высшее образование, следовательно, и профессию. Далеко не все юноши и девушки в 1918 году были захвачены революционной бурей, многие жаждали знаний. Другое дело, были ли они готовы к труду, с которым сопряжена учеба. Поступить могли все желающие, достигшие 16-летнего возраста, независимо от уровня знаний, а вот заканчивали учебу немногие.

Прием заявлений в университет начинается уже в августе 1918 года, когда в Воронеже обосновалась первая группа профессоров из закрытого немцами Юрьевского университета. Вместе с ними переехали около 800 студентов, желавших завершить свое образование. Тот факт, что в Воронеже был создан новый университет, а не функционировал прежний, просто эвакуированный в другой город, прекрасно понимали студенты-«юрьевцы». Все они подавали прошение о зачислении по следующей форме: «Желая продолжить образование в Воронежском университете, прошу зачислить меня студентом (указывается курс или семестр и факультет). Документы мои находятся в канцелярии Юрьевского университета». Документы об учебе студентов в канцелярии нового университета имелись, поскольку на таких заявлениях появлялась справка: прослушал столько-то семестров, сдано все или не сдано то-то.

Гуманитарные факультеты не отличались стабильностью. Юридический факультет был закрыт уже 23 декабря 1918 года, от историко-филологического в начале 1919 года осталась только филологическая часть и та упразднена в 1921 году. В том же году создан педагогический факультет с разнообразными отделениями. С 1919 по 1923 год действовал факультет общественных наук. Устойчивыми были лишь меди-

цинский и физико-математический факультеты. У многих студентов в архивном фонде имеется не одно, а два или три личных дела — на разных факультетах. В целом же в Государственном архиве Воронежской области в фонде ВГУ (ГАВО, ф. Р-33) хранится более 16 тысяч студенческих дел за 1918–1925 годы.

В первые три года среди выпускников ВГУ были только «юрьевцы». Немногих из них мы знаем, поскольку по окончании учебы они не оставались в Воронеже. Но некоторые из них приобрели общероссийскую известность, а потому и попали в анналы краеведения. К примеру, всего год на медицинском факультете учился один из крупнейших челюстно-лицевых хирургов страны, член-корреспондент АМН СССР, Герой Социалистического Труда Александр Иванович Евдокимов (1883–1979) (ф. Р-33, оп. 3, д. 2637, 7977), два года, с перерывом на службу в Красной армии — нейрохирург, ученик Н.Н. Бурденко Александр Федорович Лепукалн (1892–1966) (ф. Р-33, оп. 3, д. 3894, 8671).

Любопытен и еще один бывший «юрьевец». Моисей-Исаак Абрамович Сендерихин 18 августа 1918 года подал прошение о продолжении образования. Месяц спустя уточнил: просит зачислить на 4-й курс медицинского факультета. О себе сообщил, что родился 23 августа 1893 года в Могилевской губернии, прослушал шесть семестров. В 1919 году завершил учебу и приступил к сдаче выпускных экзаменов, но помешала Гражданская война (к Воронежу приближались белые) и он уехал в г. Городок Витебской губернии, где жили отец и сестры. Там он работал в больнице и только осенью 1920 года с благожелательной характеристикой вернулся в Воронеж, чтобы сдать экзамены. В его личном деле сохранился протокол испытаний по девяти предметам на звание лекаря и удостоверение от 11 октября 1920 года за подписью декана А.Г. Люткевича (ф. Р-33, оп. 3, д. 5638, 9465).

Недавняя публикация позволяет дополнить и продолжить биографию М.А. Сендерихина. Оказывается, начинал он свою учебу на медицинском факультете Базельского университета (1913/14 учебный год), продолжил в Юрьевском университете с 1914 года. Проработав в витебском Городке заведующим уездной больницей несколько лет, он переехал в Псков, в 1935 году – в Ленинград, где стал доктором медицинских наук. В блокаду служил военным врачом, с 1944 года заведовал кафедрой акушерства и гинекологии Архангельского медицинского института. В мрачные годы борьбы с космополитизмом был обвинен в низкопоклонстве перед Западом (поводом послужила публикация статьи о женском здоровье в сербском научном журнале), исключен из партии и уволен с работы. Не выдержав травли, 1 мая 1949 года Моисей Сендерихин покончил с собой (Хэрмэнс-Чернышова Е. Дело врача // История Могилевского еврейства. Документы и люди. Кн. 2. Ч. 3. Минск, 2011. С. 33–36).

Из Юрьева приехала и Александра Ивановна Лепинь. 23 августа 1918 года она подала прошение о переводе в Воронежский университет на словесное отделение историко-филологического факультета для завершения высшего образования. С учетом сданных предметов ее зачислили на четвертый курс (ф. Р-33, оп. 3, д. 538). В 1919 году она закончила учебу и сама стала педагогом. С 1925 по 1941 год она преподавала русский язык и литературу в средней школе, которая позже стала носить имя Пушкина. В годы войны Александра Лепинь была в партизанском отряде, погибла в 1943 году (ей было 48 лет). Похоронена в селе Звонково под Киевом. Среди ее учеников был Георгий Менглет, ставший позднее известным актером. Он вспоминал свою учительницу добрым словом за приобщение к миру литературы и театра (Менглет Г.П. Ампула – первый любовник. М., 2001. С. 176–178).

Еще один выходец из Юрьева вполне может быть отнесен к категории «вечных студентов». Не удивлюсь, если он окажется самым велико-возрастным среди студентов ВГУ. Речь идет об Альберте Густавовиче Бекштреме (1872–1919). В 1897 году он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, позднее защитил магистерскую диссертацию по классической филологии. Преподавал классические языки в гимназии, создал семью (трое детей). В 1908 году вышел в отставку и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Юрьевского университета, в 1909 году перевелся на медицинский факультет, мотивируя тем, что занимается историей медицины и чувствует недостаток знаний. В учебе особо не преуспел, его дважды отчисляли за неоплату обучения. К 1918 году он одолел лишь четыре семестра (Государственный архив Эстонии, ф. 402, оп. 1, д. 1767). Переехав в Воронеж, Альберт Бекштрем 15 августа 1918 года заявил о своем желании продолжать медицинское образование и был зачислен на третий курс (ф. Р-33, оп. 3, д. 1447). В июне 1919 года Бекштрем умер.

За внешней канвой биографии скрывается активная научная деятельность. С 1898 года он опубликовал около шестидесяти статей по этрускологии и папирологии, причем в первой отрасли исторической науки у него практически не было предшественников в России. Остается добавить, что в университетской библиотеке сохранились несколько конволютов и отдельных оттисков работ А.Г. Бекштрема. На трех из них – автографы профессору-филологу Дмитрию Кудрявцеву – он тоже переехал в Воронеж и умер здесь 9 ноября 1920 года (Акиньшин А.Н., Немировский А.И. Этрусколог Альберт Бекштрем // Норция. Вып. 5 / отв. ред. Л.Д. Коротких. Воронеж, 2007. С. 12–17).

Бекштрем был не единственным, кто сел на студенческую скамью, уже имея высшее образо-

Моисей Сендерихин

Александра Лепинь

Альберт Бекштрем

Дмитрий Равич-Щёрбо

Александр Татарчуков

Алексей Зверев

вание. 27 декабря 1918 года прошение на первый курс исторического отделения подал врач Владимир Антонович Равич-Щёрбо (1890–1955), который в 1916 году окончил Казанский университет. Участник Первой мировой и Гражданской войн, он преподавал на медицинском факультете ВГУ, вел активную борьбу с туберкулезом. Одновременно выразила желание учиться и жена, Мария Иоселевна (Иосифовна) Равич-Щёрбо. В сентябре 1919 года, когда историческое отделение было уже давно закрыто, она просила о переводе на политико-юридическое отделение факультета общественных наук (ф. Р-33, оп. 3, д. 812, 813). Как долго они учились и учились ли вообще, сведений у меня нет.

В декабре 1918 года на второй курс физико-математического факультета ВГУ пожелал поступить сын депутата Государственной думы Владимир Сергеевич Петровский (1893–1980). В течение предшествующих пяти лет он учился на кораблестроительном факультете Петроградского политехнического института, затем вернулся домой. Призванный в Красную армию, он надеялся совместить службу с учебой, потому и определился в университет (ф. Р-33, оп. 3, д. 13871). Но завершать образование ему пришлось в Практическом институте и в Московском институте инженеров транспорта. Возвратившись в Воронеж на склоне лет после отбытия лагерного срока, он обосновался во флигеле «бунинского» дома (пр. Революции, 3) и вместе с Юрием Гончаровым и Василием Криворучко вел долгую борьбу с партийными властями за сохранение дома, в котором родился великий классик.

Александр Николаевич Татарчуков (1885 – 1937) был примером человека, который хотел учиться в университете, но вместо этого стал там преподавать. 14 октября 1918 года он подал документы на юридический факультет сразу на третий курс, объясняя это тем, что в свое время

прослушал два курса в Московском, Петербургском и Новороссийском университетах. Революционная деятельность помешала завершить образование, не удалось это сделать и в советском вузе: факультет закрылся через полтора месяца. Забирая документы, А.Н. Татарчуков отметил: «...по реорганизации факультета в общественный факультет я занятий в университете не продолжил» (ф. Р-33, оп. 3, д. 16347). Позднее он стал довольно крупным ученым-экономистом, работал в ВГУ и других вузах экономического профиля. В «год великого террора» был арестован за принадлежность в свое время к меньшевистской партии и расстрелян (Акиншин А.Н. Два свидетельства об одной смерти // Из небытия: Воронежцы в тисках сталинщины. Воронеж, 1992. С. 38–50).

Были среди выпускников ВГУ и воронежцы, которые здесь только завершали свое образование, начатое в столичных городах. Одной из таких студенток стала Софья Алексеевна Димитриу, в замужестве Рыкова (1895–1978). Дочь директора Учительского института, она в 1913–1915 годах училась на историко-филологическом факультете Московских высших женских курсов. Из-за войны и революции прервала учебу и переехала к родителям. В конце августа 1918 года она просила зачислить ее на славяно-русское отделение историко-филологического факультета. Курс она не указала, хотя и сообщила, что уже училась на женских курсах (ф. Р-33, оп. 3, д. 329). Пребывание Софьи Димитриу в стенах университета было долгим, возможно, оно прерывалось не только гражданской войной, но и личными обстоятельствами. Она окончила общественно-экономическое отделение педагогического факультета в 1925 году. Диплом об окончании она предъявила в 1938 году, когда поступала на работу на кафедру иностранных языков. Студенты историко-филологического факультета ВГУ 1940–1950-х годов хорошо помнят Софью Алек-

Ольга Зверева

Митрофан Зверев

Георгий Зверев

сеевну. Ученица видного специалиста в области классической филологии, профессора Михаила Крашенинникова, она замечательно вела занятия по латинскому языку и даже делала научные переводы источников.

Уникальным явлением среди раннего студенчества были братья и сестра Зверевы — дети известного краеведа и организатора музейного дела Стефана Егоровича Зверева. Четыре сына и дочь начинали учебу в нашем вузе, но завершила ее только дочь. У каждого из неокончивших были на то свои причины.

Старшие Зверевы, Михаил (1892–1920) и Георгий (1895–1920?), подали заявление на историко-филологический факультет в один день — 12 октября 1918 года (ф. Р-33, оп. 3, д. 385, 386). Оба уже имели высшее образование. Михаил окончил в 1916 году историко-филологический факультет Московского университета, а Георгий в 1917 году — юридический. Михаил постоянно жил в Воронеже, помогал отцу в делах музея, был страстным коллекционером, увлекался изучением языка эсперанто. Георгий, хотя и числился сотрудником статистического отдела губисполкома, большей частью обитал в Москве. Тогда в чем был смысл поступления в университет? Невозможно поверить в то, что они надеялись получить в новом вузе дополнительные знания. Очевидно, университет в это время давал статус занятости, давал паек, давал, наконец, ощущение причастности к новому обществу.

Георгий Зверев учился, скорее, числился, в университете недолго. В октябре 1919 года он ушел из Воронежа с белыми и, по семейным преданиям, вскоре умер. Михаил работал в музее, выезжал в уезды для осмотра культурных ценностей в помещичьих усадьбах. Заразившись тифом, он умер 17 апреля 1920 года, на месяц и один день пережив своего отца.

Для оставшихся младших Зверевых университет остался единственной моральной опо-

рой. Учиться, чтобы преодолеть голод, холод, безденежье, учиться, чтобы реализовать свой творческий потенциал, — именно это стало жизненной задачей Ольги (1901–1967), Митрофана (1903–1991) и Алексея (1904–1935). На их примере хорошо видно, что большинство студентов совмещали работу с учебой, иначе было не прожить (сведения об этом содержатся в семейной переписке). Ольга поступила в 1919 году на естественное отделение физико-математического факультета и работала в управлении железной дороги, потом — в университете научным сотрудником III разряд. Митрофана зачислили на математическое отделение того же факультета в августе 1920 года. Он работал на университетской метеорологической станции и одновременно — служителем музея зоологии ВГУ (ф. Р-33, оп. 3, д. 12653), учился в музыкальном техникуме по классу рояля. Семейные беды и материальные трудности помешали ему приступить к учебе, и год спустя он просил «зачислить вновь» на первый курс.

Вот ощущения Митрофана Зверева от происходящего в 1920 году: «Всю весну, лето и начало осени мы прожили, как в каком-то чаду — даже страшно сейчас вспомнить. Жили мы исключительно продажей вещей — и многое на базаре спустили за бесценок. Часто у нас доходило до того, что не было буквально ни рубля денег, ни фунта пшена, ни картошек. Уходили на службу мы, не зная, будем ли мы сегодня обедать. Алеша тогда еще не служил. Утром (почти каждый день) он уходил на базар, на толкучку, с какой-нибудь вещью и назад приносил или немного картошек или еще чего-нибудь и варил обед. Так базарами мы жили очень долго. Потом обедать стали в столовой. Наша жизнь была сплошным кошмаром — непрерывные бумажки и неприятные разговоры относительно квартиры, мои болезни и невозможность поправиться по причине плохого питания, неприятности по службе,

совершенная неопределенность будущего и пр., все это доводило до того, что мы старались совершенно не думать, не разговаривать о настоящем, стремились отвлечься, придумывали всевозможные развлечения, даже иногда снаружи все казалось сносным, однако внутрь заглянуть было страшно и мы старались не заглядывать, отдаляя по возможности от себя заботы о насущных потребностях. Вспоминать об этом не хочется... Хорошо еще, что у нас все мы трое можем быть полезными друг другу и каждый старается по мере возможности».

Ольга окончила учебу в 1925 году и уехала из Воронежа. Впоследствии она стала доктором биологических наук, специалистом по ихтиологии и гидробиологии, работала в Коми филиале АН СССР (см.: Биологические ресурсы тундры: состояние, охрана и роль в экономике. К 100-летию О.С. Зверевой. Воркута, 2001). Митрофан оставил ВГУ и в 1923 году уехал в Москву, чтобы продолжить учебу в консерватории. Закончив ее в 1929 году и став пианистом, он все же своей профессией выбрал астрономию. В 1931 году он окончил МГУ, стал членом-корреспондентом АН СССР, много лет проработал в Пулковской обсерватории. Митрофан Зверев оставил воспоминания о своем отце и его семье (Митрофан Степанович Зверев. Сборник статей и воспоминаний к 100-летию со дня рождения. СПб., 2003).

Алексею Звереву пришлось тяжелее всех. Успешно выдержав приемные испытания (они были введены как раз в 1923 году), он поступил на химическое отделение физико-математического факультета. Однако в заботе о хлебе насущном на учебу у него не оставалось времени. «Губернская комиссия по качественной проверке студентов» за неуспеваемость «вычистила» его, да тут еще некстати вспомнили, что он — сын священника. Зверевы по старой памяти жили в одном из служебных флигелей ВГУ и за студента вступился комендант здания: «Гражданин Зверев Алексей Степанович находится в очень тяжелых материальных условиях, в данное время живет (вместе с сестрой) на 4 р. 90 к., которые получает сестра на бирже труда. Зимой и в начале весны он зарабатывал деньги на хлеб физической работой, как то пилка и колка дров, очистка крыш от снега, что зачастую мешало посещению лекций и занимало почти весь кратковременный зимний день» (ф. Р-33, оп. 3, д. 12652). Заступничество

не помогло, Алексея отчислили, 9 июля 1924 года он забрал свои документы. Не знаю, сумел ли он поступить вновь и доучиться, но работал он геофизиком-метеорологом. Жизнь Алексея Зверева рано оборвалась в Воронеже.

Дружеские отношения связывали Митрофана Зверева с Николаем Александровичем Романовым (1903–1943), сыном воронежского врача. Они вели совместные наблюдения за небом с балкона романовской квартиры. Николай был главой астрономического кружка «Астероид». Именно ему Зверев считал себя обязанным профессией (фрагменты научного дневника М. Зверева опубликовал Виктор Кузнецов в 1981 году в сборнике «Истоки»). Николай Романов был человеком разносторонне одаренным: поэт, музыкант, ученый-математик. Одно время он работал в Колтушах у знаменитого физиолога И.П. Павлова. Труды Романова по проблемам физиологии составили основу одной из отраслей кибернетики — стохастической теории обучения.

Романов окончил 1-ю советскую трудовую школу II-й ступени в 1920 году и поступил в Практический институт. Разочаровавшись в содержании обучения, он оставил институт и 10 июня 1921 года подал прошение на математическое отделение физико-математического факультета ВГУ (ф. Р-33, оп. 3, д. 14227). Учеба не была безоблачной: летом 1923 года «за невзнос платы» он был отчислен из вуза. Николай Романов такой казус объяснил следующим образом:

с апреля по июнь он болел воспалением легких и малярией и не смог своевременно подать заявление об освобождении от платы. О плате за «правоучения» речь пойдет позже, пока лишь скажу, что Романов мотивировал свое право на льготу тем, что отец, Александр Антонович Романов (1861–1935), состоял членом профсоюза работников просвещения. Николая в университете восстановили и летом 1924 года, всего за три года, он завершил учебу. В воспоминаниях «История одного искания» (Прометей. 1971. Вып. 8) Н.А. Романов дал яркие характеристики университетских педагогов А.А. Добиаша, Н.П. Самбикина и А.К. Сушкевича.

Интерес вызывает фигура выдающегося отечественного археолога, специалиста по палеолиту Сергея Николаевича Замятнина (1899–1958). Выпускник губернской гимназии, он в сентябре 1918 года подал прошение на историко-филологический факультет, после

Исследование материального положения студентов ВГУ под редакцией А.Татарчукова. 1928 г.

упразднения исторического отделения перешел на факультет общественных наук. В мае 1919 года ему пришлось прервать обучение из-за мобилизации в Красную армию. Службу проходил в 30-м военно-полевом строительном отряде до мая 1920 г., когда по настоянию губоно был «изъят как незаменимый специалист в своей области». Вскоре С.Н. Замятнин восстановливался на экономическом отделении факультета общественных наук (ф. Р-33, оп. 3, д. 12624). В это время он работал инструктором по делам музеев и охране памятников искусства и старины в губоно, а с февраля 1921 года — хранителем археологического отдела губернского музея.

Знаний, которые Сергей Замятнин получал на факультете общественных наук, ему было недостаточно, и в январе 1923 года он подает просьбу о переводе на отделение естественных наук физико-математического факультета. Необходимость перевода Замятнин аргументировал следующим образом: «Занимаясь исследовательской работой по своей специальности, я практически натолкнулся на необходимость более широкого и тщательного знакомства с естествознанием. Удовлетворение настоящей моей просьбы доставит мне возможность серьезно работать в указанном направлении». На его заявлении есть виза ректора В.Э. Регеля: «Перечислить. 15.1.1923». Именно это отделение Сергей Николаевич и закончил в 1924 году. Стоит добавить, что недостаток гуманитарных знаний он пополнял в местном отделении Московского археологического института. Дальнейшая научная деятельность С.Н. Замятнина была связана с Ленинградом (Акинъшин А. Археолог Сергей Николаевич Замятнин (1899—1958): воронежские страницы биографии // Исторические записки. Воронеж, 2002. Вып. 8. С. 207—214).

А вот Марию Евгеньевну Фосс (1899—1955) уровень воронежского гуманитарного образования не устроил. Уроженка Гродненской губернии, выпускница женской гимназии, она два года училась на историческом и общественно-педагогическом отделениях факультета общественных наук и одновременно занималась в упомянутом Археологическом институте. В августе 1922 года она уехала в столицу, где окончила университет и работала в Государственном историческом музее. М.Е. Фосс стала признанным специалистом в области новокаменного века. (Формозов А.А. М.Е. Фосс и проблемы неолити-

ческих культур // Очерки истории отечественной археологии. М., 1998. Вып. 2. С. 214—228).

Сергею Николаевичу Замятнину, возможно, и не довелось бы окончить университет, повернись судьба по-иному. Дело в том, что он был дружен с семейством Смеляковых и Сахаровым. Николай Сахаров и Владимир Смеляков оказались людьми активными в политическом отношении, а это в ту пору ломало судьбы и их самих, и их друзей.

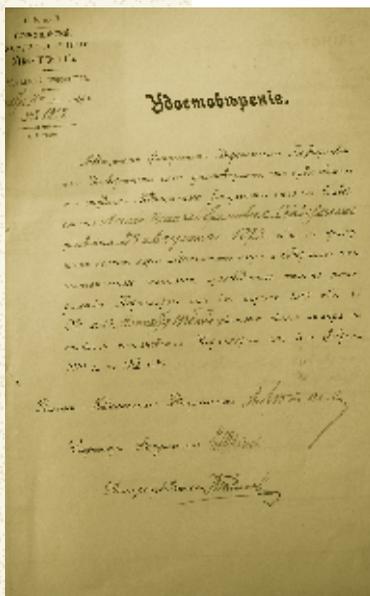
Николай Васильевич Сахаров (1894—1937), уроженец уездного Зарайска и выпускник тамошнего реального училища, с 1913 года студент Московского высшего технического училища, откуда в 1916 году был призван в армию.

В сентябре 1920 года, «находясь на службе в Красной армии и имея свободное время», он поступил на естественное отделение физико-математического факультета (ф. Р-33, оп. 3, д. 14338). Действительно, его военная служба позволяла учиться: он тогда заведовал общежитием для приезжающих при штабе 2-й армии, там же жил сам (ул. Поповорыночная, дом 2).

В январе 1923 года студент 3-го курса Николай Сахаров просил «комиссию по взиманию платы со студентов ВГУ» освободить его от взноса платы, поскольку жалованья, получаемого им по должности научного сотрудника в одной из университетских структур, не хватало даже на насущные нужды. Просьбу удовлетворили. Более никаких бумаг

в его личном деле нет. Но буквально через месяц на Сахарова завели дело совсем в другом месте — в ГПУ. 27 февраля 1923 года он был арестован по обвинению в антисоветской агитации среди студентов и создании народнического «Союза трудового студенчества». Сахаров и его единомышленники вели борьбу с коммунистической фракцией, организуя нелегальные сходки, проходившие под видом вечеринок. 15 мая 1922 года на такой вечеринке выступал прибывший из столицы Владимир Смеляков, который рассказал о настроениях московского студенчества.

В январе 1923 года по инициативе Сахарова в здании ВГУ была организована елка (!). 20 января 1923 года в учебном корпусе ВГУ проходил вечер, участники которого проигнорировали требования коменданта разойтись к 12 часам ночи. Всех присутствующих переписали и через несколько дней они давали объяснения сотруднику ГПУ Скуридину. Среди тех, кто был на вечеринке, — братья Сергей и Борис Замятнины, Тама-

Удостоверение студента медфака ВГУ М.Сендерихина. 1920 г.

Михаил Зверев

Сергей Замятин

Петр Сергеев

ра Еркина, библиотекарь Александр Расторгуев. Сергей Замятин в объяснении написал, что при вторичном объявлении о закрытии вечера он ушел домой. О Сахарове дал благоприятные показания его непосредственный руководитель по работе профессор Борис Козо-Полянский.

1 июня 1923 года неформальный лидер университетского студенчества Николай Сахаров был выслан из Воронежа сроком на два года. В 1925 году он работал в Орле лаборантом контрольной семенной станции. Вновь арестован, отправлен в Челябинск, оттуда на Соловки. В 30-е годы Н.В. Сахаров был секретарем Городского отдела социального обеспечения в Тамбове, вроде бы, ему даже удалось окончить ВГУ. Но вот новый арест и ссылка на три года в Омск, там еще раз арестован и 12 августа 1937 года расстрелян в Тобольске (ГАОПИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. 10738, 23871; Изгнанники в своей стране. Письма из советской ссылки 1920–1930-х гг. М., 2008. С. 167).

Владимир Смеляков не случайно попал на вечеринку к Сахарову. У Смелякова здесь жили родители и брат с сестрой. Василий Еремеевич и Ольга Васильевна переехали в Воронеж из Луцка во время Первой мировой войны. Зинаида и Владимир окончили здесь гимназии, а Ярослав (в будущем — известный поэт) начинал учебу в начальной школе. Владимир Смеляков (1901 — ?) с 1918 года служил в Губернском продовольственном комитете. В том же году он поступил на историко-филологический факультет ВГУ, но затем оставил учебу. В 1920 году вновь поступил на медицинский факультет (ф. Р-33, оп. 3, д. 882). 7 июня 1921 года Смеляков был арестован за антисоветские высказывания и решением коллегии Губчека заключен в Митрофановский концлагерь на полгода. Очевидно, Смеляков был первым студентом ВГУ, арестованным по политическим мотивам. Возможно, не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что родной дядя Смелякова,

царский офицер Степан Крицкий, сначала был взят в заложники большевиками, затем воевал в Белой армии и эмигрировал во Францию. О досрочном освобождении В.В. Смелякова ходатайствовал член губисполкома Евдоким Муравьев («лично известен, нужен для работы»), и не без пользы (ГАОПИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. 9686). После освобождения из лагеря Владимир 1 октября 1921 года хотел восстановиться на второй курс медицинского факультета, причем обещал «выполнять все правила милитаризации медицинского факультета и не чинить препятствий к выполнению этих правил другими студентами». Ему был дан месячный срок для сдачи задолженностей. Таких усилий он не предпринял, а потому и не был восстановлен в ВГУ. Забрав аттестат, он в январе 1922 года уехал в Москву. 15 мая 1922 года востребовал остальные документы. По делу Сахарова он не был арестован. Во второй половине 1923 года все Смеляковы (кроме умершего главы семьи) перебрались в Москву.

Зинаида Смелякова (1899 — ?) с сентября 1919 года училась на словесном отделении историко-филологического факультета, через два года перешла на социально-историческое отделение педагогического факультета. В апреле 1923 года она безрезультатно просила «комиссию по установлению платы за правоучение для студентов ВГУ» освободить ее от платы, поскольку не имела заработка и никаких иных средств к существованию. 25 июня 1923 года просила вновь принять в число студентов, так как была отчислена за неуплату денежного взноса (ф. Р-33, оп. 3, д. 10651, 11161). Восстановление было возможно, но с условием внесения платы по курсу червонца. Она не смогла этого сделать и оставила учебу. Зинаида была подругой сокурсницы Марии Кашиной, жены писателя Андрея Платонова, и даже крестила их сына Платона в ноябре 1922 года. Она поддерживала с Платоновыми отношения и после переезда в Москву.

Зинаида Смелякова

Шлиома Черейский-Ицхокин

Дмитрий Леонов

Колоритной и противоречивой личностью был Яков Михайлович Металлов (1900–1976), настоящая фамилия Левин. В январе 1919 года он окончил Гомельскую гимназию. Рано стал участником революционного движения, вступил в РКП(б). С 1920 года обосновался в Воронеже. Почти два года работал следователем Губернской чрезвычайной комиссии и в этом качестве вел дело музыканта Леопольда Ростроповича. В 1920 году Металлов поступил на естественное отделение («биологический цикл») физико-математического факультета, два года спустя просил перевести его на педагогический факультет. Это факультет по словесно-историческому отделению он и окончил благополучно летом 1924 года (ф. Р-33, оп. 3, д. 11007). На медицинском факультете, кстати, учился его старший брат Марк, ставший позднее ассистентом на кафедре госпитальной хирургии (ф. Р-33, оп. 3, д. 3818, 8642). Уйдя из Губчека, Яков Металлов сотрудничал в «Воронежской коммуне», был хорошо знаком с Андреем Платоновым и даже дал ему рекомендацию для повторного вступления в партию. Позднее переехал в Москву, стал членом Союза писателей, доктором филологических наук, профессором ряда вузов, в том числе Литературного института. В конце 1940-х годов заведовал кафедрой западной литературы в МГУ и даже был научным руководителем аспирантки Аллы Ботниковой (Ботникова А.Б. В те времена... Воронеж, 2008. С. 128–131).

Были среди студентов ВГУ и совершенно экзотические для той поры лица. В августе 1918 года заявление на историко-филологический факультет подал епархиальный миссионер Петр Петрович Сергеев (1879 – после 1937), выпускник Новгородской духовной семинарии, магистр богословия (1921). Не знаю, сколь долго, но занятия он посещал и о своей учебе в университете позднее упоминал в автобиографии (ф. Р-33, оп. 3, д. 872). В начале 1920-х годов отец Петр

стал одним из лидеров обновленческого движения в Воронеже, в феврале 1923 года при наличии жены и детей был возведен в сан епископа. Позднее возглавлял различные обновленческие епархии. В 1937 году вышел за штат и его дальнейшая судьба неизвестна.

В том же 1918 году и на тот же истфилфак, но в октябре, заявление подал еврейский раввин Шлиома Хаимович Черейский-Ицхокин (1879–1946). Раввином его избрали в мае 1914 года, до этого он успел окончить Петербургский университет (ф. Р-33, оп. 3, д. 991). Оригинально, наверное, смотрелись рядом на студенческой скамье православный священник и раввин! Журналист «Коммуны» 1930-х годов Иосиф Черейский (1912 – после 2001), которого я разыскал лет десять назад в Москве, сообщил дату смерти отца, но о пребывании его в стенах ВГУ ничего не знал (Акиншин А. Раввин на студенческой скамье // Воронежский курьер. 2000. 17 авг.). Пестрота в студенческих рядах тогда царил необыкновенная!

С некоторыми студентами ВГУ далеких двадцатых годов я был знаком. Ветераны краеведческих чтений в Никитинской библиотеке помнят двух завсегдатаев 1970–1990-х годов. Сын городского врача Дмитрий Дмитриевич Леонов (1903–1983) учился последовательно на физико-математическом и педагогическом факультетах с 1921 года (ф. Р-33, оп. 3, д. 11006, 13241). Он рано увлекся археологией, участвовал в экспедициях, которые проводил губернский музей, работал вместе с С.Н. Замятиным и М.Е. Фосс. Из-за работы в летних экспедициях Леонов не всегда успевал вовремя сдавать экзамены. В конечном итоге он был отчислен со второго курса социально-исторического отделения педагогического факультета в 1924 году. Думаю, это произошло в первую очередь потому, что, получив в 1923 году диплом Воронежского отделения Московского археологического института, Леонов

не видел в университетском образовании дальнейших возможностей для пополнения знаний. Исторического факультета уже не было, да и в педагогической сфере начинала превалировать идеология. Более четырех десятилетий Д.Д. Леонов проработал научным сотрудником Воронежского областного краеведческого музея.

Невысокого роста, плотный, в неизменном полувоенном френче, Александр Иванович Князев (1902–2005) бывал на краеведческих чтениях до конца 1990-х годов. Уроженец пригородной слободы Троицкой (давно уже вошедшей в состав города), он в 1919 году окончил 1-ю объединенную советскую школу II-й ступени (бывшая 2-я мужская гимназия). Год работал счетоводом участкового потребительского железнодорожного общества. В марте 1920 года Князев подал заявление на медфак. Однако для зачисления потребовался еще один документ – «рекомендация пролетарской организации», которую он представил 22 сентября (ф. Р-33, оп. 3, д. 8532). По воспоминаниям Александра Ивановича, в тот год было принято 725 человек, год спустя продолжали учебу чуть более 200 человек. На медицинском факультете был особый «военный комиссар», у которого надо было получать разрешение на любую отлучку из Воронежа, даже в каникулярное время. Александр Князев регулярно подавал такие прошения, чтобы поехать к тетке в село Мордово Тамбовской губернии.

Студенческое дело Князева ценно сохранившимися документами о плате за обучение. В марте 1923 года он безуспешно просил освободить или снизить плату, поскольку был «отнесен к первой категории (плата 66 рублей)». Далее он поясняет семейное материальное положение: личных средств нет (раньше имел урок), семья из шести человек живет на заработок отца, который в январе 1923 года получил 229 рублей. Отказ последовал и на просьбу в «распределительную комиссию при старостате медицинского факультета» о выдаче обмундирования (белье, рубашка и брюки). Только в ноябре 1923 года, когда Князев учился на 4-м курсе, его освободили от платы. Отец, бухгалтер службы движения ЮВЖД, после проведения денежной реформы получал в месяц около 50 рублей.

Александр Иванович окончил медфак со специализацией окулиста в 1925 году. С 1937 по 1955 год был военным врачом. Участвовал в Великой Отечественной войне и вооруженных конфликтах на Дальнем Востоке. Почти всю жизнь он прожил в одном и том же доме, построенном его отцом в 1910 году. Менялся только адрес: Привокзальный поселок, ул. Бринкманская, дом 7, затем ул. Федеративная, дом 13, и наконец, ул. Урицкого, дом 13. Сейчас здесь живет дочь А.И. Князева.

В заключение, об однокурснике Князева, также обремененном платой за обучение. Михаил Григорьевич Привес (1904–2000) стал выдающимся специалистом в области анатомии, создателем атласа человека, которым и сейчас пользуются студенты. Он родился в уездном Козлове в семье провизора, работал секретарем народного суда. В 1920 году вместе с сестрой Людмилой поступил на медицинский факультет. Условия студенческой жизни были чрезвычайно суровыми. В декабре 1921 года они просили разрешить им поездку в Козлов из-за страшных бытовых трудностей. «Пайка мы лишены, а всякая возможная помощь из дому прекращена в ожидании нашего приезда. Кроме того, сообщаем, что уже около двух недель сидим в сыром, нетопленном помещении, т.к. не на что купить дров».

В марте 1923 года они просили освободить от платы по 66 рублей за каждого, указывая: «Живем мы совершенно самостоятельно на скудные уроки, дающие возможность только на поддержание существования», отец-инвалид не может оказывать постоянной помощи, а имущество разграблено при Мамонтове. Столь мотивированная просьба все равно не помогла, брата с сестрой освободили от платы только в декабре 1923 года, когда они учились на 4-м курсе (ф. Р-33, оп. 3, д. 9270).

* * *

Изучение студенческих дел позволяет увидеть на практике некоторые принципы организации учебного процесса. Общеизвестно, что в вуз принимали до 1923 года без экзаменов и независимо от имеющегося образования. Однако все изученные мною дела показывают, что студенты имели полное или незаконченное гимназическое образование. В первые два-три года работы университета не было речи об ограничениях в допуске к учебе по социальному принципу. Принимали детей духовенства и дворян, даже самих священников. О «пролетарском подходе» к контингенту можно говорить не ранее 1920 года. Наконец, плата за «правоучение» вводится не центральной властью, а руководством университета, и не ранее 1922 года. Прежде, в период гиперинфляции, взимать ее не имело смысла. Была ли плата всеобщей или распространялась на отдельные категории лиц, каков ее размер – пока ответить на эти вопросы трудно. Дважды мне встретилась цифра 66 рублей (январь 1923 года), но это – плата за месяц, семестр или год и в каких денежных знаках – неясно. Изучение студенческой жизни вековой давности – дело нелегкое.

Автор благодарит за помощь Татьяну Шор (Тарту, Эстония).